

Любовь и честь

Игра Элизабет Арчер отражений

Любовь и честь

Элизабет Арчер
Игра отражений

«Мир и Образование»

2014

УДК 82-31
ББК 84(4)

Арчер Э.

Игра отражений / Э. Арчер — «Мир и Образование»,
2014 — (Любовь и честь)

ISBN 978-5-94666-736-4

Нортумбрия, 1055 год. Датчане относительно мирно живут на английских землях... Близнецы Рангхиль и Роалль понимают друг друга без слов, однако это не значит, что их мнения во всем сходятся. И когда белокурая воительница Ранди придумывает хитроумный план, чтобы сохранить мир в их английских владениях, брату он не приходится по душе. Да и кому понравится брать в жены девушку, которую никогда не видел? Впрочем, и Рангхиль предстоит выйти замуж за незнакомца. Ради этого она готова на все, даже отправиться ко двору нормандского герцога Вильгельма. И единственный, кто надеется переубедить Ранди, – это сосед близнецов Дагмар Бартолин. Но разве могут воины послушать ученого?

УДК 82-31

ББК 84(4)

ISBN 978-5-94666-736-4

© Арчер Э., 2014
© Мир и Образование, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Любовь и честь

Элизабет Арчер
Игра отражений

Анне Анкетиль – моему неизменному вдохновению.

Elizabeth Archer
Mirror Game

Литературная обработка *Е. Полянской*

Пролог

Англия, 1055 год.

Мужчина ждал уже больше часа. Монахиня, проводившая его в эту комнатку, сказала, что он может оставаться здесь, пока не освободится настоятельница. От чего ей следует освободиться, визитер не ведал, однако в монастырях свои правила. Им следует подчиняться, хотя больше всего хочется всполошить этот курятник, чтобы монахини задвигались быстрее и стали хоть немного похожи на живых людей.

Невесты Господа. Мужчина усмехнулся, прошелся по комнате туда-сюда. Как же, невесты, все знают, что монастыри мирскому не чужды. Настоятельница этого, например, – одна из самых богатых женщин в Нортумбрии, и не потому, что родилась в семье из состоятельного рода, а потому, что до смешного скаредна. И умеет считать деньги.

В монастыре было тихо. Слишком тихо. Это заставляло нервничать. Так Бог и молчит – в каменных стенах, украшенных грубыми деревянными распятиями, среди окон, похожих на бойницы, в душном свечном мареве и запахе ладана, едва-едва перебиваемом вкусным духом из монастырской пекарни. Здесь выпекали большие круглые хлеба, которые быстро черствели, если оставить на солнце, и долго хранились, если убрать в холодный, но не сырой подвал.

Мужчина нетерпеливо ходил по комнате, несколько раз порывался выйти, чтобы уже самому отправиться на поиски настоятельницы, однако хорошо понимал: это недопустимо. После такого нарушения правил женского монастыря никто не разрешит наглему говорить с настоятельницей и просить у нее что-то. А тем более – требовать. Сейчас визитер намеревался именно требовать, так как считал, что имеет на это право. И лишь эти соображения останавливали мужчину. Скука и злость одолевали его, однако план, который он лелеял, требовал терпения.

Наконец монахиня возвратилась и сказала, чтобы он шел за ней. Они прошли по длинному коридору, потом по галерее, нависавшей над внутренним двориком. Косые лучи вечернего солнца лежали теплыми лоскутами, и по этому весеннему монастырскому безмолвию монахиня двигалась бесшумно, словно призрак, а громкий топот сапог визитера казался кощунством. Галерея закончилась лестницей, которая вела в другой коридор, где монахиня и открыла дверь в покои настоятельницы.

Кабинет больше походил на келью; может, это она и была, мужчина во всех этих вещах не разбирался и вообще впервые находился в женском монастыре. Настоятельница, высокая, довольно крупная дама, сидела за столом и что-то писала, аккуратно выводя буквы на плотной желтой бумаге. Монахиня исчезла, дверь закрылась, и настоятельница, оторвавшись от своего занятия, посмотрела на визитера. Тот торопливо произнес все положенные слова, приветствуя главу монастыря и выражая радость от встречи.

– Мне передали, что вы приехали поговорить об одной из моих послушниц, – проронила настоятельница, дослушав. Мужчина улыбнулся и заговорил снова; эту речь он репетировал несколько дней, подбирая самые лучшие, самые убедительные слова и облекая их в одежды из лести, беспокойности и любви. Визитер не считал себя хорошим оратором, однако, когда хотел, он мог говорить убедительно.

Послушница долго возилась в саду, аккуратно распределяя рассаду. Ей нравились садовые работы, и так как сестра Мария утром лучилась благосклонностью, девушка пробыла в саду долго. И работа сделана хорошо: грядки ровные, их много, а значит, завтра можно будет заняться цветами. От роз никакого толку, если судить лишь по выгоде, однако есть в них божественная красота, и с этим все соглашались. В монастырском саду росли кустовые розы,

с наступлением весны уже покрывшиеся нежными листиками, и следовало осмотреть ветви, обрезать засохшие и подвязать те, что слишком тяжелы. Но это – завтра. Девушка приложила ладонь к глазам и посмотрела на солнце: оно опускалось все ниже и уже коснулось монастырской стены. По саду протянулись длинные тени.

Услышав, что ее окликают по имени, девушка обернулась. По размокшей от вчерашнего дождя дорожке торопливо шла сестра Мария, и от ее хмурого, настороженного взгляда девушке стало не по себе. Может, она в чем-то провинилась? Кажется, нет. Она весь день проработала в саду, как велели, и молитвы все отстояла, и про себя молилась, иногда забываясь и начиная напевать священные слова, а не произносить их размеренно, как полагалось. Но об этом сестра Мария совершенно точно не может знать, верно?

– Сестра, тебя зовет мать-настоятельница. Поспеши.

– Поспешить? – переспросила девушка и бросила неуверенный взгляд на грядки. – Но мне нужно убрать вот это и...

– Матушка сказала – прямо сейчас, – раздраженно сказала сестра Мария. – Не возражай. Иди. Я все уберу сама.

Невиданное дело! Это встревожило послушницу, и она быстрым шагом направилась к обители. По дороге никто не встретился: монастырь был огромен, и часто монахини в течение дня встречались лишь в храме на общих молитвах да в трапезной. Девушка прошла по клуатру¹, поднялась по узкой лестнице на второй этаж и постучала в дверь кельи настоятельницы.

– Войди, дочь моя.

Матушка-настоятельница была не одна. В комнате, помимо нее, находился незнакомый мужчина, довольно изящный и темноволосый, похожий на изнеженного кота. Он стоял у окна и, когда послушница вошла, повернулся к ней, рассматривая пытливо. А затем прежде, чем настоятельница успела произнести хоть слово, заговорил приятным и мягким голосом:

– Здравствуй, дорогая родственница. Я так рад видеть тебя. Я скучал и беспокоился о твоей судьбе.

В горле у девушки пересохло. Она не знала, зачем приехал этот человек и кем он ей на самом деле приходится, одно ей было ведомо точно: сейчас он солгал.

¹ Крытая обходная галерея, обрамляющая закрытый пря моугольный двор или внутренний сад монастыря.

Глава 1

Лето выдалось на диво теплым с самого начала. Рано зацвели яблони, пчелы вились вокруг белых лепестков, жужжали не рассерженно, но трудолюбиво. Ковром ромашек покрылись поля вокруг замка, а в речушке утка обучала плавать выводок пушистых серых комочков. На лесном озере поселились лебеди; эту гордую, великолепную пару Рангхиль видела, когда отправлялась на прогулки. За прогулки, кстати, ей вечно доставалось от брата.

– Ты снова бродила где-то целый день, – попрекал ее Роалль, когда она возвращалась в сумерках, и подол платья был предательски намокшим от росы. – Вокруг полно отребья. Неужели ты хочешь стать жертвой разбойников или любого мерзавца, который захочет покуситься на жизнь беспомощной женщины?

– Не так уж я беспомощна, – улыбалась Рангхиль, выбирая сосновые иголки из густых светлых волос, которые она любила распускать, они были у нее ниже талии и ниспадали серебряным водопадом.

– Да, милая сестра, я-то знаю об этом, но и мужчина не справится с десятком озверевших противников, коли он не великий воин. А у тебя и оружия нет, только нож, и еще ты в платье.

– Мне это не помеха.

Нож с костяной рукояткой Рангхиль всегда носила на поясе. Такой же покоился в ножнах у Роалля, и он ни разу не оставил его нигде и не забыл. На рукоятке были вырезаны руны защиты и силы и бегущий волк – это был подарок отца, одинаковый для обоих близнецов, на день рождения, когда им исполнилось десять лет. С тех пор прошло еще десять лет, а лезвие, выкованное превосходным кузнецом, не сточилось, не сломалось и не заржавело. С таким ножом можно выходить на противника – если, конечно, умеешь сражаться. Рангхиль умела.

Траур по отцу закончился еще в апреле, когда сырые северные ветра сменились легким морским бризом, не слишком частым гостем на просторах Нортумбрии. Здесь, неподалеку от Йорвика², привыкли к иной погоде: хмурым тучам, низко несущимся над землей, дождю и прохладе. Чем дальше к северу Англии, тем хуже, утверждал Хальдор – помощник брата в ратных делах и второй командир после него. Дальше начинаются горы, поднимающиеся острыми пиками к сумрачному небу, там пасут овец племени, до сих пор не утратившие первозданной дикости, и раздаются душераздирающие мелодии таких инструментов, что здесь никогда бы не звучали.

Рангхиль оставалось верить Хальдору на слово: сама она никогда не покидала окрестностей родного дома. Вся ее жизнь прошла здесь, на пологих холмах и равнинах, среди лесов, узких рек и птичьего щебетанья. А также среди саксонских и данских крестьян, рева волов, хохота пьяных воинов в длинном зале, звона железа в кузнице и тихого потрескивания свечей, когда шьешь долго, и глаза слипаются.

Остальной мир был словно затянут туманной дымкой: Англия с ее королевскими проблемами, венценосным святым³ и дележом земель и власти почти не касалась Рангхиль. Вплоть до прошлого года, когда умер отец, могучий Олаф Миккельсен, и горе, заполнившее их сердца, со временем сменилось тревогой.

– Налей-ка еще, – Роалль подставил служанке кубок, чтобы та вновь наполнила его сладким прошлогодним элем, и повернулся к сестре. – Значит, припасов немного?

– Ты же помнишь, каким было прошлое лето, – поморщилась Рангхиль. – Природа словно плакала по отцу. Пшеницу побил градом, и мы смогли собрать лишь три четверти того, что

² Старинное название города Йорка до нормандского завоевания.

³ Имеется в виду правивший в то время очень набожный король Эдуард Исповедник.

обычно. И это было удачей. Перед самой посевной нам пришлось начать раздавать зерно из амбаров замка, зерно, предназначенное на семена.

– Но скотину градом не побил? – вздохнул Роалль. Вообще-то, хозяйка замка отвечала только за порядок в замке и работу хозяйственных служб, а все вопросы с крестьянами должен был решать хозяин, но Роалль больше склонен был к ратному делу, как и их отец Олаф. Поэтому Рангхиль охотно взяла на себя заботу о благополучии имения, советуясь с братом лишь при принятии самых ответственных решений, от которых зависела жизнь многих. Замком же и всеми его службами Ранди занималась с тех пор, как научилась считать и читать, то есть лет с десяти. Олаф Миккельсен вдовствовал давно, так что дому к тому времени отчаянно требовалась хозяйка.

– Скотине тоже нужно что-то есть. А когда луга затапливает... – напомнила Ранди брату.

– Я понял тебя, – кивнул Роалль, задумавшись. – Однако этот год обещает быть урожайным.

– О да. Хотя я не стала бы испытывать терпение судьбы, считая наш урожай заранее. Если все будет хорошо, и мы продадим скот... – Рангхиль с превеликим удовольствием рассказала бы брату все и в подробностях, но Роалль привык во всех этих делах полагаться на сестру. Сам он предпочитал заниматься укреплением защитных сооружений замка и тренировать дружину, с определенной долей справедливости полагая, что процветание имения зависит не только от успехов в сельском хозяйстве и торговле, но и от способности защитить имущество.

Ужинали в длинном зале. Собственно, это был обед, плавно перешедший в вечернюю трапезу; воины могли сидеть за столом часами и предаваться воспоминаниям, рассказывать истории, похвалиться подвигами и заниматься всеми приличествующими настоящим мужчинам вещами. Иногда Рангхиль это веселило, иногда раздражало. Когда приезжали гости, она могла, как велели традиции, обносить их вином и элем, но обычно сидела во главе стола, по правую руку от брата. Роалль был хозяином дома, и если бы Рангхиль родилась мужчиной, то восседала бы сейчас рядом с ним, разделив священное право именоваться хозяином. Или, если бы у их матери родилось два мальчика, наследником и главой рода считался бы тот, что первым появился на свет? Так-то первая – Рангхиль... Она снова взглянула на лицо брата, очень похожее на ее собственное, только немного грубее. Так говорила Адьва. Приходилось верить служанке: рассмотреть себя хорошо в медных зеркалах и обманчивых речных отражениях никак не получалось.

Роалль. Самый близкий человек, который всегда был у Рангхиль, сколько она себя помнила. Они с первого дня были неразлучны – с того самого дня, давшего им жизнь и отобравшего ее у их матери. Альва рассказывала, что Олаф горевал безмерно, потеряв любимую супругу. Но это не отвратило его от детей, он воспитывал их почти не делая между ними различий. И в свои двадцать лет Рангхиль немного снисходительно относилась к бледным и нежным саксонским девам. У данов были другие обычаи: родовитая женщина, если того пожелает, может владеть оружием и даже состязаться с мужчинами. Весьма полезные умения в беспокойные времена.

Впрочем, времена никогда не бывали спокойными.

Служанка наклонилась над Рангхиль, словно спрашивая, налить ли и ей эля, но девушка покачала головой. Не хотелось туманить разум даже глотком слабого прошлогоднего напитка.

– Значит, мы сможем уплатить налоги, – сказал Роалль и кинул пару костей вертевшимся у стола собакам. Тут же завязалась веселая потасовка с визгом и погоней. Псы были не голодны, однако борьба за кость у них в крови. Как и у людей... – Это хорошо.

Я не знаю, почему мы отдаем столько денег королю, которого даже не видим, но...

Собаки, громадные породистые псы, способные в одиночку свалить оленя или парой выйти на кабана, волка или медведя, разобрались, кто из них достоин кости, и улеглись у ног хозяина. Собаки – вот еще одно занятие Роалля. Псы Миккельсенов славились в округе, всех щенков быстро разбирали и платили за них хорошую цену.

– Не стоит вести подобные разговоры, – прервала брата Рангхиль. – Если Хальдор говорит, что при дворе снова зреет смута, стоит подумать, как мы поведем себя. Мы всегда поддерживали короля, а в трудный час это еще важнее.

Хальдор с небольшим отрядом вернулся из Лондона буквально утром: он отвозил те средства, что причитались с плуглендов⁴ за прошедшие месяцы, в казну. Миккельсены не доверяли сборщикам налогов, предпочитая доставлять королевские деньги сами. А то кто знает, сколько звонких монет по дороге осядет в карманах хитрых саксов!

Саксы вообще были... назойливы. Конечно, они пришли на эти земли раньше, разогнав предыдущих обитателей; но как бритты склонились под их властью, так теперь настало время саксам подчиниться датчанам. Или это время уже прошло? Здесь, в Данелаге⁵, этого совсем не чувствовалось. Однако мир больше, чем Данелаг.

К сожалению.

– Что еще говорят в столице? – спросила Рангхиль. Она была занята, когда Хальдор возвратился, и потому не слышала его рассказа. Сейчас ей не хотелось отлучать бравого вояку от его супруги, новости мог пересказать и Роалль.

Брат, однако, медлил. Он взял с блюда кусок мяса и снова бросил собакам – те, не ожидавшие подобного подношения, вцепились в еду с рычанием и урчанием.

– Роалль?..

– М-да. Хальдор привез кое-какие вести, касающиеся нас с тобой, – осторожно начал он.

– И что же это? – Чем играть с воображением, Рангхиль предпочитала узнать все сразу. Судя по тону Роалля и по тому, что он не начал с этих новостей – они неприятные.

– Видишь ли, Кенельм Олдхам снова подал прошение его величеству, чтобы ему вернули причитающиеся земли. Оставив нам тот клочок, на котором стоит крепость, и наделы у леса. На замок и наделы данов он претендовать не рискнул.

– В следующий раз рискнет, – поморщилась Рангхиль.

Так она и знала, что это дело не останется в прошлом. Саксы назойливы – она ведь об этом уже думала сегодня? Вернуть земли, которые вот уже много лет тебе не принадлежат, – вернуть не силой, так хитростью. Что может пообещать королю Олдхам, если не солидную долю? Здесь нет солидной доли, владения Миккельсенов не так уж и велики...

Когда король Кнуд Великий снова вернул датчанам английские земли, на время уплывшие из рук, сражавшийся в рядах его войска Олаф Миккельсен получил земельный надел с несколькими деревнями и право передавать его по наследству. Сейчас хозяином земли сделался Роалль. Однако до того, как достаться Миккельсенам, эти холмы и плодородные равнины бесхозными не были. Они принадлежали саксам – семье Олдхамов, которых милостиво не выгнали совсем, только оставили им во владение значительно меньше земель. А могли бы и вовсе перебить... Однако Кнуд полагал, что уничтожить все население Англии, если оно в чем-то с ним несогласно, – самая настоящая глупость. Потому саксов постарались сделать лояльными, не слишком притесняя и давая возможность накопить утраченные богатства и своей службой опять возвеличиться. Ситуация с годами менялась, саксонские тэны⁶ приобретали все большую власть, однако здесь, в Данелаге, это ощущалось гораздо меньше. Тут по-прежнему было много датчан, действовала система датского права, крестьяне в большинстве своем являлись свободными – словом, не слишком-то много шансов оставалось у прежних владельцев, что эти земли когда-нибудь возвратятся к ним. Кое-кто смирился, кто-то отправился на службу к королю, дабы заново заслужить владения и почести, кто-то и вовсе подался на континент, а

⁴ Датская базовая единица земельного участка, равная примерно территории, обрабатываемой за год упряжкой из восьми быков.

⁵ Территория в северо-восточной части Англии, отличившаяся особыми правовой и социальной системами, унаследованными от викингов, завоевавших эти земли в IX веке.

⁶ Представитель военной знати, получавший земли от короля за службу. В переводе это слово означало «тот, кто служит».

кто-то, вроде Кенельма Олдхама, пытался действовать хитростью. Войска у него не имелось, доход с земель он получал небольшой, и сам не был захвачен соседями лишь потому, что они у него уродились мирные. До поры до времени.

Рангхиль знала Олдхама: несколько раз он приезжал к отцу, а затем явился на похороны, дабы засвидетельствовать свое почтение соседям, понесшим утрату. Тогда-то Ранди и поведала о том, что Кенельм претендует на земли за рекой, да поскорее. Роалль все чаще посвящал сестру в дела, а к концу прошлого года девушка прекрасно разбиралась в том, что происходит. Кенельма Олдхама нельзя недооценивать.

Ведь, несмотря на то, что в Данелаге сохраняются свои законы, датчанам по всей Англии сейчас приходится туго. Многие защищают свои земли с оружием в руках, некоторым не особо влиятельным тэнам пришлось даже возвратиться в Данию. Смена власти никого не оставляет в стороне, а когда на острове, пусть и достаточно большом, смешивается столько народностей – войн и взаимных обид не миновать. И политика нерешительного Эдуарда, о которой благородной девушке лучше не размышлять (все равно никуда от мыслей не денешься!), ни к чему хорошему, наверное, не приведет. Отец всегда говорил, что жить приходится в вечно изменяющемся мире, а значит, стоит быть готовым к любым неожиданностям. Олаф Миккельсен знал, о чем говорил. Он сменил одну страну на другую, холодные ветра Дании – на английские дожди и постоянно был готов к сюрпризам. Его смерть тоже стала неожиданностью, и все же... Все же он умел чують ветер, как никто.

Близнецы чуюли ветер гораздо хуже.

Вот и сейчас: стоило бы призадуматься, почему Кенельм больше не заглядывает к Миккельсенам, почему прекратил говорить с ними о спорной земле. А он, оказывается, решил воззвать если не к христианскому Богу, то к одному из Его помазанников на земле: непосредственно к королю Эдуарду. Если долго вертеть хвостом при дворе, словно хитрый рыжий лис, можно, приняв хавшись, узнать, куда дует тот самый нужный ветер.

Мало ли влиятельных персон нынче в Англии...

– Я не думаю всерьез, что король удовлетворит эту просьбу, – продолжал Роалль неторопливо. – В самом деле, у него хватает забот. Но есть не только король...

Мысли близнецов, как всегда, совпадали.

– К кому может обратиться Кенельм, если король Эдуард откажет ему? – задумчиво произнесла Рангхиль и погладила сунувшегося ей под руку пса.

– Он не в тех отношениях с эрлом⁷ Гарольдом, чтобы претендовать на его внимание и помощь; к тому же, Олдхам ничего не сможет пообещать Гарольду. Разве что службу, но тому и так служат влиятельные лица. – Роалль помолчал. – О других его родовитых и властвующих друзьях мне ничего не известно, иначе, может, давно бы мы с тобой работали в свинарнике, сестричка.

Шутка была так себе, но Ранди улыбнулась. Пес извивался, ластился, подсовывал лобастую башку, чтобы ему и за ушами почесали.

– Впрочем, отец говорил, что у Кенельма имеется довольно влиятельный родственник при дворе Вильгельма, – припомнил Роалль.

– На большой земле? – уточнила Рангхиль.

– Да, в Нормандии. Его зовут Манстан из рода Олдхамов, и он, поговаривают, большой друг герцога. Живет при его дворе в Кане, пользуется милостями, довольно богат. Не сомневаюсь, что он не откажется от клочка английской земли, если Кенельму хватит ума предложить ему это в обмен на помощь или поддержку.

– Почему же Кенельм до сих пор не обратился к нему? – поинтересовалась Ранди.

⁷ Титул высшей аристократии в те времена в Британии, родовая наследственная знать скандинавского или англосаксонского происхождения. В услужении у эрлов были тэны.

– Откуда мы знаем? Может, и обратился, – пожал плечами Роалль.

Рангхиль задумалась.

– Ты полагаешь, они найдут средства, чтобы нанять воинов и отвоевать свои бывшие владения? – Эта мысль вызывала беспокойство.

– Если вспомнят, где границы проходили, – пробурчал Роалль, – хотя я не сомневаюсь, что у Олдхама все записано. Он ведь и писать умеет, ты слыхала?

Выдающиеся успехи Кенельма в каллиграфии не интересовали Рангхиль.

– Ты тоже умеешь, – напомнила она, – и даже я. Не в том дело, Роалль. Неужели все действительно так серьезно? Что же ты мне не говорил?

– Я не хотел тебя расстраивать.

– Это жизнь. Расстроюсь я или нет, если Олдхамы завтра будут под нашими стенами с войском, мне нужно об этом знать, – покачала головой Ранди.

– Не надейся, что я заколю тебя, дабы эти саксонские мужланы не могли с тобою потешиться, – мрачно пошутил Роалль.

– Конечно! Кто добровольно лишит себя одного из лучших мечей?

Брат и сестра невесело улыбнулись друг другу.

– Как бы ни горячило кровь предчувствие битвы, но, поверь мне, сестра, на сей раз я предпочел бы ее избежать, – вздохнул Роалль. – И не потому, что трусость велит мне отсиживаться за стенами замка или бежать на край света, спасаясь от каких-то саксов. Нет, дело вовсе не в этом. От нас зависят люди. Об этом ты постоянно твердишь мне, и я поверил. Не только наши воины, для которых битва естественна, словно дыхание, но и крестьяне, возделывающие нашу землю, ничем не заслужили войны. И хотя смута все равно будет – слишком уж слаб король, чтобы эрлы оставили его сидеть на троне! – я полагаю, она не заденет наши края, если мы того не позволим. Но для этого нам надлежит жить в мире с соседями. А некоторые наши соседи сами хотят воевать.

– В подобных спорных случаях есть еще одно решение, – медленно проговорила Рангхиль.

– Я знаю, – скривился Роалль. – Но мне не нравится это. Я предпочитаю битву. И хотя мысли о людях, живущих на земле, важны для тебя... и для меня – битва честнее. Битва лучше. Если бы Олдхам пришел под стены замка, если бы вызвал меня в поле, дабы там решить наши разногласия, все было бы проще и лучше. Но ты, моя дорогая сестра, плетешь мягкие сети. Не попадись в них сама.

– О, если ты полагаешь, будто я намерена предложить мой брак с Кенельмом, ты ошибаешься.

– А что же ты хотела сказать? – удивился Роалль.

Рангхиль передернула плечами. Она говорила именно о браке, но... Нет, Кенельм Олдхам не являлся самым неприятным из мужчин, с которыми ей приходилось сталкиваться за свою жизнь, – встречались и похуже люди. И он не связан брачными узами и хорош собой. Рангхиль и сама себе не могла объяснить, почему она не хочет даже задумываться о том, чтобы вступить в брак с Кенельмом, и для Роалля ее невнятные сомнения не годились. Тут требовались мудрые слова.

– Мой брак с Кенельмом вряд ли послужит делу, – сказала Рангхиль. – Я уйду в его дом и разделю его землю – не наоборот. Вот если бы ты...

– Женился на Кенельме? – в притворном ужасе возопил Роалль. – О нет!

– Не время дурачиться, – досадливо поморщилась Ранди. – На его сестре, к примеру.

– Но у Олдхама нет сестры, – напомнил Роалль.

– К сожалению.

Близнецы умолкли. Воины за столом хохотали, от очага тянуло вкусным запахом жареного мяса и золы, на которую капал жир.

– Мы слишком мало знаем о наших соседях, чтобы строить какие-то планы, – наконец нарушила молчание Рангхиль.

– Нам никогда не требовалось знать о них много.

– Пока был жив отец...

– Да.

Олафа Миккельсена, громадного, с виду злого, словно сошедшего с небес скандинавского бога, боялась вся округа. При нем Кенельм не осмеливался выказывать свои претензии столь явно. Полунамеки, шутки – вот все, что он мог.

– Мне стоит написать тэну Лефстану, – предложила Рангхиль.

– И верно, – оживился Роалль, – он давно не приезжал к нам! Мы устроим пир в честь его приезда.

– У меня нет в том сомнений, но я хочу позвать его не за этим. Он знает, кажется, всех людей в мире. Он расскажет нам о Кенельме и других Олдхамах. Мы должны знать своих... соседей.

– Ты хотела сказать – врагов, – усмехнулся Роалль. Эта его ухмылка, когда уголок рта вздергивался, а губы растягивались, приоткрывая белые зубы... В такие моменты молодой тэн напоминал хищника, готового вцепиться в горло.

– Да, но не сказала. Я надеюсь, что мы не станем врагами.

Рангхиль поднялась. Было далеко за полночь, кое-кто из воинов уже храпел прямо под лавками, а утро в замке начиналось рано. Иногда и ночь завершиться не успевала.

– Хорошо, – Роалль посмотрел на нее снизу вверх, – напиши ему. Я буду рад видеть старого Дефстана.

Рангхиль кивнула и пошла к лестнице, ведущей наверх, к ее комнате. За спиной у девушки раздался нестройный, возглавляемый единственным местным певцом хор голосов:

*– Дали в жены дивну
Девицу за деньги
Храбру, мне-де равну,
Храфну достославну.
Мне к дому в буре бранной
Выл Адальрад преградой.
Оттого-то воин
Слова едва и вяжет!⁸*

Ранди впервые не понравилась эта песня.

⁸ Цитата из песни скальда Гуннлауга Иллугасона. Перевод С. В. Петрова.

Глава 2

Тэн Лефстан был именно тем человеком, из-за которого отношение семьи Миккельсенов к саксам оставалось добрым. Этот мужчина, преклонных уже лет, но неиссякаемой бодрости духа и силы, дружил с Олафом, а после его смерти дружил с его детьми. Он владел землями к западу от надела Миккельсенов и являлся тем соседом, с которым приятно было иметь дело. На него можно было положиться если бы кто-нибудь вздумал отвоевать часть земель, только вот людей у тэна Лефстана имелось совсем немного. Хороших воинов – и тех всего человек тридцать, и все пешие, – а саксы теперь чаще воевали верхом, провозглашая преимущество конницы. Им не особо верили (кто же по доброй воле возвысится над сражающимися, где ты и стрелам открыт, и копьям!), однако нельзя не признать, что равное количество конных и пеших, выставленных друг против друга, сходились с довольно тревожащим результатом. А уж насколько быстро могла перемещаться конная армия! Роалль, к примеру, старался развести побольше коней и научить своих дружинников верховому бою, однако лошадь – удовольствие дорогое. И растет она не один год. А если приходится коней еще и королю отдавать... Даже после смерти отца, по заведенному правилу, пришлось лошадой преподнести в дар – двух неоседланных, двух в полной сбруе. А еще вступающий в права наследования Роалль отослал в Лондон два меча, четыре копья, четыре щита, шлем, доспехи и пятьдесят манкусов⁹ золота – но об оружии и деньгах не жалел, а вот о конях очень.

Тэн Лефстан в Данелаге своих земель пока не утратил и с удовольствием навещал Миккельсенов, да и к себе приглашал. В его замке, маленьком и тесном, Рангхиль, тем не менее, любила бывать. Там было уютно. Однако сейчас отправляться к тэну Лефстану нельзя – не хотелось покидать свои владения. Лучше пригласить его сюда, устроить пир, как предлагает брат, и расспросить после нескольких кубков медвяного эля.

Рангхиль отправила письмо следующим же утром. Она радовалась, когда отец решил, что его наследники оба должны уметь читать, писать и знать счет; это облегчало ведение хозяйства и просто было приятным и полезным умением. Книжки к Миккельсенам попадали редко и стоили очень дорого, но те, что имелись в заветном сундуке, Ранди бережно хранила. А составить письмо старому другу означало получить удовольствие от написания и порадовать старика. Тэн Лефстан ценил уважение, и послание, переданное не на словах, а в запечатанном свитке, совершенно определенно это уважение показывало.

Поэтому неудивительно, что через два дня после того, как письмо было отправлено, на западной дороге, ведущей к замку, показалась цепочка людей. Конными были двое – сам тэн Лефстан и дружинник Роалля, отосланный с приглашением. Впереди пешком шествовал знаменосец, несший стяг с гербом тэна Лефстана, а за всадниками – человек десять саксонских воинов. Все это были давние знакомцы, и замок оживился, готовясь к приему добрых гостей.

Роалль, с утра ездивший вместе с Хальдором на соколиную охоту, уже возвратился и стоял на пороге дома рядом с Рангхиль. Он окинул ее внимательным взглядом и улыбнулся:

- Твое платье мне нравится.
- Ты видел его много раз, – она тоже улыбнулась брату.
- От этого оно не перестало нравиться мне.

Платье было по нраву и Рангхиль – темно-зеленое, как дубовая листва в августе, отороченное серебряной лентой и с вышитыми цветами на воротнике. Швея скроила платье так удачно, что высокая и довольно крепкая Ранди смотрелась в нем невесомой и хрупкой, словно лесная фея. О феях ей рассказывали саксы – у них тут, оказывается, на холмах чего только не водилось. Страшно из дому выйти, особенно ночью, особенно при луне.

⁹ Англосаксонская монета достоинством в 30 пенсов.

– Я смотрю на тебя и думаю: счастлив будет тот, кто назовет тебя своей, – продолжил между тем Роалль.

Рангхиль нахмурилась.

– Ты намекаешь на что-то, брат мой?

– Ни в коем случае! – он принял столь невинный вид, что сразу стало ясно: конечно же, намекает. – Я просто замечаю, как идут дни. Быстро, быстро...

Ранди знала, что он никогда не поступит против совести. Никогда не велит ей выйти за человека, о котором она скажет: «Нет», – если не возникнут на пути непреодолимые обстоятельства, и от этого брака не будет зависеть выживание всех. Бывают ситуации, которые сильнее личных желаний. Но по доброй воле Роалль никогда бы так не сделал. Слишком хорошо близнецы знали друг друга, слишком сильной была между ними родственная связь, чтобы брат мог жестоко поступить с сестрой. Однако беспокойство Роалля можно понять: если ему, двадцатилетнему воину, можно подождать и не брать пока никого в жены, то для Ранди время уже проходит. И в голосе брата слышится не только смех, но и тревога.

Что ему сказать? Что ее сердце не созрело для любви? Что ей не хочется покидать замок Миккельсенов и отправляться к человеку чужому, у которого заведены свои порядки и которому нужно... подчиниться? Да и не смогла бы она. Сейчас Рангхиль была свободна – настолько, насколько может быть свободна женщина данов, живущая на английской земле. И добровольно поступиться этой свободой нелегко. Если бы она знала, ради кого так сделать!

Только вот она еще этого человека не встретила.

– О любви поют скальды¹⁰, но, возможно, ее и вовсе нет на свете, – пробормотала Рангхиль. Роалль хотел что-то возразить ей, и она ткнула его кулаком в бок: тэн Лефстан как раз въезжал в ворота.

Он спрыгнул с лошади и пошел к встречающим его близнецам: огромный, словно медведь, в подбитом волчьим мехом плаще, хотя была жара, сгреб их обоих в объятия и прогудел над головами тяжелым колоколом:

– Вот так счастье пришло ко мне! Миккельсены позвали меня в дом!

– Еще не в сам дом, а только на порог, – засмеялся брат где-то в складках монументального плаща, и тэн Лефстан, услышав этот сдавленный смех, наконец, отпустил Роалля. Ранди сакс прижимал к себе чуть дольше, но и ей через пару мгновений даровал свободу. Говорили они на саксонском – из уважения к гостю, к тому же данский язык сосед понимал плохо, а говорил и того хуже. – А теперь заходи, тэн, и будь дорогим гостем в нашем доме.

– Будьте желанным гостем, – кивнула и Рангхиль, и тэна с его свитой пропустили в длинный зал.

Прежде чем говорить о делах, следовало выполнить ряд условий, без которых хорошая беседа не начинается. Проще говоря – обед, переходящий в ужин, и ужин, переходящий в завтрак. Рангхиль надеялась, что где-то между ужином и завтраком удастся вставить словечко, однако надежда эта была слаба. Тэн Лефстан славился не только своей мудростью и редкой удачливостью, но и способностью поглощать огромное количество съестного и эля.

В зал принесли еще несколько длинных столов и скамеек, за которыми смогли разместиться люди обоих владетелей. Шум поднялся невообразимый: когда в одном месте собирается много мужчин, которые, к тому же, не виделись целую вечность – с апреля! – то все они стремятся перекричать друг друга, дабы поведать новости. Ранди взяла на себя честь прислуживать брату и гостю. Она подливала эль в их кубки, подносила мужчинам самые вкусные блюда, над которыми на кухне трудились с позавчерашнего дня, и лично отрезала острым ножом по громадному куску от жарившегося над очагом поросенка. Тэн Лефстан наблюдал за

¹⁰ Древнескандинавский поэт-певец.

нею с удовольствием, и его взгляд так временами напоминал отцовский, что Ранди невольно вздрагивала. В такие моменты она чувствовала, как сильно ей не хватает отца.

Говорили о всяком: о соколиной охоте, грядущем сенокосе, погоде, походах и королевских причудах. Тэн Лефстан рассуждал немногословно, но со знанием дела; Рангхиль всегда замечала за ним, что, несмотря на кажущуюся громогласность, он больше слушает, чем говорит. Потому, наверное, и знает так много. В обществе, где все стараются друг друга перекричать, как вот сейчас за нижними столами, искусство наострить уши и извлечь выгоду из услышанного весьма ценно.

– Слыхал новости из Уэльса, – неторопливо рассказывал тэн Лефстан. – Говорят, Грифид ап Аливелин нанес поражение Грифиду ап Ридерху и вернул себе Дехейбарт. Также говорят, что он заключил союз с Эльфгаром, знакомым вам эрлом Мерсии и сыном Леофрика, который был изгнан из своих владений эрлом Гарольдом. А еще слышно, будто все они собираются пойти на Херефорд.

– И выступить против эрда Ральфа? – удивился Роалль. – Но у него же укрепленный замок, и армия вооружена на нормандский манер! Это преимущество.

– Да, но что только не творит жажда справедливости! – заметил Лефстан. Ранди иногда не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

Рангхиль прислушивалась к беседе мужчин, однако не так тщательно, как обычно. Ее занимали собственные мысли. Как скоро можно будет пригласить тэна Лефстана покинуть длинный зал и отправиться туда, где можно поговорить без помех?

Случай представился лишь несколько часов спустя, когда за порогом уже сгустились летние сумерки, тягучие и сладкие, как темный мед. Тэн Лефстан завершил свой рассказ о Иорвике, где успел побывать в мае, и спросил Роалля:

– Пригласил ли ты меня для того, чтоб я тебе рассказывал о городских улицах, или с каким-то умыслом?

– Какой умысел! – запротестовал Роалль. – Моя дружба и расположение прозрачны, как слезы!

– Данский воин рассуждает о слезах? Тут точно кроется какой-то подвох! – гулко захохотал тэн Лефстан.

– Это я имею умысел, а не мой брат, – созналась Рангхиль. Сакс перевел на нее внимательный и – вот удивительно! – вполне трезвый взгляд. За столом было выпито уже немало, однако на ясность взора тэна Лефстана это не повлияло.

– Женщины коварны, дорогой друг Миккельсен! Чем же ты хочешь завлечь мой разум, валькирия?

– Ваш разум, ваш опыт и ваш совет. Только, – Рангхиль обвела рукою зал, – не слишком хорошо рассуждать об этом здесь.

– Я не имею секретов от моих людей, – нахмурился Роалль.

– Да, брат мой, только дело не в секретах. Никто не станет скрывать важных решений. Но для того, чтобы их принять, необходима тишина, дабы ничто не отвлекало. Я предлагаю пройти в сад, и еду, и питье для нас принесут туда.

– Ну что ж, пойдёмте! – согласился заинтригованный тэн Лефстан.

Сад, находившийся внутри замковых стен, очень нравился Рангхиль. Она часто проводила здесь время, возилась с лечебными травами, которые росли тут, или вместе с другими девушками шила, устроившись на скамье у старого колодца. Сегодня по приказу госпожи сюда вынесли стол, и на нем уже дожидались своего часа пузатые глиняные бутылки с элем. Служанки принесли мясо и зелень; тэн Лефстан опустился на скамью, жалобно скрипнувшую под его весом, и шумно вздохнул:

– По правде говоря, приятно вкусить пищи не в жарком зале, а на природе! Это напоминает мне те времена, когда мы отправлялись в длительные походы и неделями ночевали под звездами.

Старый тэн мог долго предаваться воспоминаниям, и в иное время Ранди с удовольствием бы его послушала, однако сейчас у нее имелись более важные дела. Она торопливо проговорила:

– Как я уже сказала, тэн Лефстан, нам нужен ваш совет.

– Это ты решила, будто совет нужен, – пробурчал Роалль. За два дня брат успел разочароваться в идее и посчитал, что ничего решать не нужно. Вот придет Кенельм Олдхам с войной – тогда решение станет очевидным, простым и приятным. Для настоящего воина нет момента слаще того, когда намечается сражение. Рангхиль понимала Роалля, она и сама знала, что такое упоение битвы, однако сейчас ее мнение и мнение брата, в кои-то веки, разошлись.

– Я настаиваю на том, что мы должны больше знать о своих врагах, – повторила она слова Роалля и вновь обратилась к тэну Лефстану: – Вы знаете все на свете. Чего нам ожидать от Олдхамов?

Тэн хмыкнул, опрокинул в себя содержимое кубка и тут же налил еще, до краев.

– Которого из Олдхамов вы имеете в виду?

– Мы знаем, что есть двое. Один – наш сосед, второй с ним в родстве. Кенельм и Манстан.

– Второй, я полагаю, тоже не против заделаться вашим соседом, – отметил тэн Лефстан. – Я бывал при дворе Вильгельма и видел этого Манстана Олдхама, тогда он был моложе, чем сейчас. Дайте-ка припомнить... да, семь лет назад. Весьма выдающийся юноша был, любимец и любитель дам. Уже выигрывал в большинстве поединков и отличался завидной храбростью.

– А собой хорош? – Роалль невинно покосился на Рангхиль.

– Я в мужской красоте не разбираюсь, красота – она в том, как хорошо ты умеешь меч держать. – Брат кивнул, соглашаясь, тэн же продолжил: – Однако Манстан, как говорили, весьма недурен собою. Ну, ловок он, этого не отнять. Его мать была приближенной дамой королевы Эммы и последовала за ней в изгнание; Манстан хорошо знал нашего нынешнего короля Эдуарда. И хотя после того, как его величество возвратился в Англию и занял трон, Манстан Олдхам остался при дворе Вильгельма... Я вижу в том не глупость, а тонкий расчет. Во-первых, он вырос в Нормандии и пользуется всеми благами, которые тамошний свет может дать ему. Состоит в хороших отношениях и с Вильгельмом, и с Эдуардом. И если так случится, что Эдуард вправду сделает Вильгельма своим наследником в благодарность за помощь и доброту, то Манстан будет приближенным сильного короля. Полагаю, он вымостил себе дорогу в будущее.

– Но вы говорите, он и соседом нашим стать не прочь, – напомнила Рангхиль.

Тэн Лефстан пожал плечами.

– Земли Манстана в Нормандии невелики. Не уверен, что они у него вообще остались. Там всегда хватало своих владельцев, и постоянно ведутся войны, а какой-нибудь мятежный барон не в силах устоять перед лакомым кусочком. И хотя Манстан не особо нуждается в деньгах, просто живя в Кане и получая доходы со своей земли, если ситуация изменится, ему понадобятся владения в Англии. Предположим, что Вильгельм сделается королем после божьего помазанника Эдуарда, как говорят, и это не встретит сопротивления среди наших эрлов. Гарольд не поднимет на него мечи, но склонится пред ним. Предположим также, что война случится – тогда Вильгельм, насколько позволяет ему буйный нрав, и вовсе не отступится. Он приплывет сюда и сожжет корабли, как легендарный Тарик на берегах Гибралтара. – Тэн поистине хорошо владел искусством речи – может, оттого ему и удавалось узнать так много и сохранить добрые отношения со многими. – Тогда маврам было некуда отступать, и они завоевали Испанию, и по-прежнему заправляют там; Вильгельм из той же породы властителей. Чего бы ему это ни стоило, он получит свое, как получил жену. Он избавляется от врагов с

дьявольской хитростью. Чтобы стать его другом, как вышло у Манстана Олдхама, нужно обладать весьма недурными дипломатическими способностями и обаянием. Бастард крайне подозрителен.

– Но действительно ли он способен пойти войной на нас?

– О, уверяю тебя, валькирия, не только способен, но и пожелает! Это если мы говорим о Бастарде. Если же снова возвратиться к Манстану, то он многому научился от Вильгельма, я полагаю.

– Но вы не видели его много лет, – возразил Роаль.

– О да. Зато мне довелось не так давно повстречаться с его кузеном Кенельмом.

– Он и на ваши земли вздумал претендовать?

– Нет. Он лишь попросил приюта на пути в Лондон. Весьма сомнительный предлог, знаете ли. Дорога в столицу из дома Олдхэмов пролегает в стороне от моих владений. Но я сделал вид, будто ему поверил, и дал ему кров и стол. – Тэн Лефстан подцепил на нож моченое яблоко и с хрустом откусил сразу половину. – И представьте себе мое приятное удивление, когда вскоре мой гость заговорил о том, что его в действительности волновало. «Знаете ли вы, – произнес он, – что вскорости не останется в Нортумбрии человека, более влиятельного, чем я? Да, да! Мои земли возвратятся ко мне, можете поверить!» Я спросил его, каким же образом он намеревается их вернуть, однако он лишь усмехнулся загадочно и ответил, что я сам все увижу.

Я полагаю, если он не добьется расположения короля, то будет искать помощи Манстана. В самом деле, все эти слухи, что Эдуард пообещал трон страны Вильгельму... Они кого угодно могут позвать на сомнительные подвиги!

Тэн Лефстан, по всей видимости, Кенельма не одобрял.

– Почему же он сказал это вам? – поинтересовалась Рангхиль. Что-то не давало ей покоя в рассказе тэна – понять бы еще, что именно! – Ведь он знает, вы водите знакомство с нами.

– Потому что он рассказывает об этом на каждом углу, как я слышал. Весь Лондон пропитался его самолюбием... ну ладно, ладно. Я преувеличил. Я думаю, он и хотел, чтобы вы узнали.

– Разве Кенельм Олдхам настолько хитер? – презрительно обронил Роаль. – Он трус! Он уклоняется от участия в турнирах и битвах!

– Это говорит о нем многое, но не отменяет хитрости, – покачал головой тэн Лефстан. – Значит, вот чего вы от меня хотели – чтобы я вам об этом рассказал?

– Мы не хотим войны... – начала Рангхиль, однако брат перебил ее:

– Мы хотим войны! Просто жаждем! Да простят меня старые боги и новый христианский Бог...

– Не так уж он и нов, – вставил тэн лукаво. Роаль, не слыша его, продолжал:

– Я бы вызвал этого Кенельма на битву, если бы он принял вызов. Но он уклонится в очередной раз, как уже сделал, когда отец предложил.

Рангхиль кивнула: она знала об этом случае. Действительно, однажды Олдхам в очередной раз заговорил о своих исконных владениях, и Олаф Миккельсен то ли в шутку, то ли всерьез предложил разрешить все сомнения раз и навсегда на ратном поле. Тогда Кенельм придумал что-то, что позволило ему если не отказаться от своих слов, то избежать поединка. Конечно, он опасался выходить против отца, с досадой думала Ранди, и точно так же опасается Роалля, о котором идет слава очень опасного в бою человека.

– Я понимаю так, что вы желаете решить вопрос с помощью дипломатии? – уточнил тэн Лефстан.

Близнецы переглянулись.

– Войны мы не хотим, – медленно проговорила Рангхиль. – За Кенельма вступятся многие саксы (надеюсь, не вы, тэн!), за нас – многие даны. Потому до сих пор нас и не тронули.

Все просчитывают силы, и мы постоянно готовы к нападению, но мы не желаем быть первыми, кто затеет смуту.

– Мы будем защищать свой дом, – проговорил Роалль. – Однако...

– Где же врожденная воинственность данов и жажда походов? – то ли в шутку, то ли всерьез произнес тэн Лефстан. – Я-то полагал, будто вы расширите Данелаг хотя бы на те земли, что еще остались у Кенельма!

Роалль медленно поднялся; ноздри его раздувались, и сейчас он был, пожалуй что, страшен.

– Если ты, Лефстан, желаешь в поединке выяснить, как хорошо я умею сражаться...

– Я всего лишь подшутил над тобой, мой друг! – гаркнул тэн Лефстан и захохотал, словно обрушил телегу с камнями. – Садись и пей! Хотя чем больше пьют воины, тем сильнее кипит кровь и тем достойнее в рассказах становятся их подвиги. Но не с тобой! Ты всегда честен, даже лежа под столом!

Роалль, ворча, уселся. Рангхиль переждала, пока мужчины нальют себе еще эля, выпьют, а затем снова заговорила:

– Я сказала, что мы и совета у вас попросим, тэн. Я прошу.

– Не стоит даже и просить, валькирия, сам принесу, если совет вам сгодится! Только рад буду. Что ты хочешь от меня услышать?

– Я подумывала о том, чтобы Роаллю взять в дом женщину из семьи Олдхамов, да ведь там только мужчины остались в роду...

– Не только, не только, – покачал головой тэн. – Этим мне тоже Кенельм похвастался. Есть у него одна дальняя родственница, оставшаяся без приюта и потому воспитывавшаяся в монастыре. Так и предполагалось, что девушка примет постриг. Однако Кенельм всеми правдами и неправдами в прошлом месяце забрал ее от монашек в свой замок. Зовут ее Этель, ей едва исполнилось семнадцать. Олдхам зовет ее племянницей и полагает, что выгодно выдаст ее замуж – возможно, и за какого-то приближенного Вильгельма, в чем ему поспособствует Манстан, а возможно, за влиятельного английского тэна, если не эрла. Он будет искать выгоды, не сомневайтесь.

Рангхиль широко улыбнулась.

– Значит, мы можем предложить ему брачный союз!

– Эй, сестра, осади коня! – встревожился Роалль. – Нельзя так быстро это решать!

– Но почему же? – не в силах усидеть на месте, Рангхиль вскочила и стала прохаживаться туда-сюда, задевая подолом пахучие кустики мяты. Идея, пришедшая девушке в голову, отличалась красотой, присущей по-настоящему гениальным и простым идеям. – Если бы мы предложили Кенельму Олдхаму выдать за тебя его родственницу, и он ответил бы согласием, то его желание заполнить наши земли...

– ...Стало бы еще больше, – закончил Роалль скептически.

– Я так не думаю. Его влияние бы упрочилось – ведь он заручится твоей поддержкой в качестве нового родственника. Он полагает, что и дальше будет жить в Данелаге, а значит, ему нужны друзья среди данов, а не враги. И он...

– Ранди, я не хочу брать в жены саксонскую девушку! – прорычал Роалль, переходя на датский. Тэн Лефстан с удовольствием наблюдал за перепалкой брата и сестры, не вставляя ни слова, только усмехаясь в бороду.

– Если жениться, то на женщине из Дании!

– Ты собираешься покинуть эти земли и уехать обратно, на родину нашего отца? – Ранди тоже перешла на родной язык. – Мы с тобой никогда не бывали там, Роалль. Нас там не ждут, никто не ждет. И земель там нет. Ты забыл, почему наш отец отправился в поход вместе с Кнудом?

– Отец отправился, ибо нет ничего более священного, чем ратная слава!

– А еще он хотел жениться на нашей матери и принести ей в дар не только свою любовь, старое копье и дедов меч, но и земли, где она могла бы жить и растить детей. – Рангхиль развела руками. – Эти земли, Роалль. Земли в сердце Англии. Мне жаль, у отца не вышло получить надел в Дании, однако он был доволен тем, что преподнесла ему судьба. И мы с тобой довольны. Разве ты можешь сказать, что это не так? Разве ты хотел бы оставить здесь все и, не оглядываясь, отплыть за море, дабы искать призрачного счастья в чужой стране? Да, мы родом оттуда, наши обычаи все еще оттуда, однако мы выросли здесь, рядом с саксами. И хотя многие из них по-прежнему ненавидят нас, многие также понимают, что народам нужно жить в мире. Как вы, тэн Лефстан.

Тот кивнул, но промолчал.

– Ты умеешь хорошо плести слова, дорогая сестра, но подумай о том, что ты предлагаешь, – возразил Роалль. Судя по его лицу, разговор брату не нравился совершенно. – Смешать кровь викингов с саксонской – как об этом можно помыслить? У Хальдора жена из Дании, а у меня, значит, будет бледный английский цветок?

– В этом все дело? Часть твоих воинов жената на данских женщинах, верно, но так ли давно Моэнс просил у тебя разрешения на брак с саксонкой? И ты ведь его дал. Дал, не задумываясь, – напомнила Рангхиль.

– Ну, я знал ее, она из нашей деревни...

– Вот именно, Роалль. Это наша земля. И нужно либо осознать это, либо по-прежнему относиться к ней как к завоеванию, которое необходимо оборонять, не более. Я же говорю о любви к месту, где ты живешь. Мне казалось, ты любишь это место. – Сама Ранди действительно любила эту землю, единственную, которую знала.

– Я люблю, – сказал сбитый с толку Роалль.

– Тогда саксонская девушка ничем не хуже данской. Более того – лучше. Этель Олдхам жила здесь, она знает этот народ, его нужды, его нравы...

– Что она может знать, если жила в монастыре? – возразил Роалль.

– А ты полагаешь, будто монастыри столь закрыты? – иронично поинтересовалась Рангхиль. Иногда суждения брата ее изумляли, иногда – смешили, она просто этого не показывала. Мужчины не любят, когда над ними подшучивают – особенно когда они в этот момент очень серьезны.

– Если ее готовили к постригу...

– Даже если готовили, она – девушка благородных кровей. – Рангхиль снова заговорила на саксонском, чтобы тэн Лефстан ее понимал и, в случае чего, мог поддержать. Девушке почему-то казалось, что сосед на ее стороне.

– Чтобы попасть в монастырь, она или ее родственники принесли ему дары. Ее должны были учить, готовить к будущему. Кто знает, вдруг она сделалась бы настоятельницей или ее помощницей! Или все-таки женой знатного человека. Если Этель Олдхам до сих пор не монахиня, значит, так было завещано ее родственниками, чтобы разумнее распорядиться ее судьбой. Такая девушка не станет тебе перечить, так как воспитана в строгости. Она понимает, какую честь ей окажут.

– Я надеюсь, – пробормотал тэн Лефстан. Не слушая его, Ранди продолжала:

– Она примирит нас с соседом. Возможно, она даже хороша собой, – привела Рангхиль весомый аргумент.

– Кенельм утверждал, что очень хороша, – словно бы между прочим сказал тэн.

– Вот видишь!

– Кенельм Олдхам хочет продать ее подороже, как корову в Иорвике в базарный день! – окончательно рассердился Роалль. – Такие вещи нельзя решать быстро! И ты забыла о Манстане. Если, как говорит наш друг, нормандский рыцарь захочет заполучить часть наших

земель – и да помогут нам боги, если только он один этого жаждет! – то его не остановит мой брак.

– Следовательно, и с ним нам придется примириться. – Рангхиль сцепила руки за спиной. – Я могу выйти за него.

Роалль выглядел ошеломленным.

– Милая сестра, да он, небось, давно женат! Он ведь уже не молод, а значит, взял себе супругу, как подобает!

– Манстан Олдхам вдов, – усмехаясь, сообщил тэн Лефстан. – Об этом мне говорили те, кто приехал недавно из Нормандии. Не ведаю, от чего скончалась его супруга, однако сейчас он, вполне возможно, подыскивает себе новую.

Уже почти стемнело, и слуги принесли фитили, плавающие в плошках с жиром; эти свечи скудно освещали стол, лица собеседников тонули в полутьме, но уходить в такую жару с улицы в длинный зал все равно не хотелось.

– Значит, мы можем поступить следующим образом, – медленно проговорила Рангхиль. – Напишем два письма за подписью и печатью нашего рода. Мы предложим Кенельму Олдхэму выдать за Роалля его родственницу Этель, а Манстану будет предложено взять в жены меня.

– Ранди, ты и вправду готова на это? – спросил Роалль. В голосе его звучало безмерное удивление. – Вспомни, я никогда не принуждал тебя ни к чему! И отец не принуждал. Да, твой брачный возраст давно наступил, и я хотел говорить с тобой о том, чтобы подыскать мужа, но... Но я полагал, он будет из данов, как и моя супруга. Я полагал, что ты возьмешь в мужья человека, которого видела хотя бы раз или он тебе понравится, когда увидишь. У нас много хороших знакомых. Никлас Сёренсен, Дагмар Бартолин...

– Никлас влюблен в дочь Эрика Белобородого, а Дагмар Бартолин слишком учён для меня, – усмехнулась Ранди. Она не желала обижать друзей Роалля, однако ни один из них не нравился ей. Нет, она относилась к ним спокойно, ровно и доброжелательно, только вот пламя в сердце не вспыхнуло, даже искра не проскользнула. – Надо чаще слушать сплетни, мой дорогой брат! И тогда ты станешь таким же мудрым, как тэн Лефстан.

– Благодарю, валькирия! – отсалютовал ей старый тэн бокалом со сладким медом.

– Зачем мне слушать – ведь у меня есть ты... – Роалль взял с блюда кусок сыра. Никакие споры не могли помешать истинному сыну викингов есть и пить. – В твоих словах есть резон, сестра, однако наскоро такие решения не принимаются. Мне нужно поразмыслить над этим. Что скажешь ты, Лефстан?

– Скажу, что звучит это разумно и мудро. Манстан Олдхам показался мне лучше своего родича Кенельма, а значит, Рангхиль сможет и полюбить, и уважать супруга. Если же Этель станет твоей женой, Миккельсен, то ты имеешь шансы заполучить худого, но друга по ту сторону реки. Может, и не друга даже. Но...

– Над этим следует поразмыслить, – повторил Роалль.

Глава 3

В последующие дни, пока тэн Лефстан гостил в их доме, близнецы постоянно обсуждали возникшую идею. Рангхиль видела, как понемногу брат начинает склоняться в пользу ее решения, как он неохотно, но уступает свои позиции. В самом деле, на первый взгляд, такая двойная сделка сулила выгоду. Если Олдхамы на нее согласятся. Но сначала требовалось убедить брата, ведь именно его брак с Этель – важнее и главнее. Рангхиль говорила с ним, внимательно выслушивала его возражения и отвечала на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.